
Проф. В. В. Струве
ПРОИСХОЖДЕНИЕ
АЛФАВИТА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВРЕМЯ
ПЕТРОГРАД
1923.

Профессор В. В. СТРУВЕ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ
АЛФАВИТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВРЕМЯ»
ПЕТРОГРАД
1923

Обложка и марка работы С. В. Чехонина

Петрооблит № 9333. — 3.000 экз.

Российская Государственная Академическая Типография

ВВЕДЕНИЕ

Начало всех великих письменных систем человечества восходит к пиктографии: события, которые должны быть запечатлены в памяти будущего поколения, изображаются в серии рисунков. На известной стадии развития общественного организма это пиктографическое письмо уже не могло вполне удовлетворить. Честолюбие вождя-царя мощного государства требовало увековечения в анналах своего имени собственного, а это последнее рисунком изобразить нельзя. Писцы анналисты должны были приспособить свое письмо к новым заданиям и придумать способ графического обозначения имени своего царя. На этой стадии развития было, например, письмо у Ацтеков в момент появления испанцев в Мексике. Писцы в своем стремлении решить поставленную им задачу, могли идти двумя путями, создавая из до того единого пиктографического письма два новых вида— письмо идеографическое и письмо фонетическое. Действительно, каждый рисунок пиктографического письма мог рассматриваться двояко читателем, или как нечто мыслимое—

понятие-идеограмма, или как нечто произносимое — слово-комплекс фонетических звуков. Идеографическое письмо с помощью синонимов (то-есть равнозначущих или сходных по смыслу слов), фонетическое письмо с помощью гомонимов (то-есть однозвучных слов различного значения) могли увековечивать имена собственные, и вместе с тем могли запечатлеть в памяти и весь бесконечный мир явлений, как внутренний, так и внешний. Наиболее совершенным представителем идеографического письма является китайский иероглифический шрифт, а наиболее идеальным представителем фонетического письма является алфавитный шрифт, созданный впервые в области западно-семитической культуры. Как это часто бывает с историей великих достижений человечества, история возникновения, как идеографического шрифта Китая, так и семитического алфавита, была до недавнего времени полна неразрешенных вопросов. В особенности темной и загадочной считалась история возникновения второй из указанных графических систем — алфавитного письма. Посильному решению этой проблемы на основании последних исследований и вновь открытого материала будут посвящены настоящие страницы.

I

РАЗЛИЧНЫЕ ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ФИНИКИЙСКОГО АЛФАВИТА

Вопрос о происхождении алфавита до последних лет оставался не разрешенным, несмотря на большое количество посвященных ему исследований. Такой пробел в нашем знании прошлого должен особенно болезненно чувствоваться в виду той громадной роли, которую сыграл семитический, или, как его обыкновенно называют, „финикийский алфавит“ не только в истории средиземноморской культуры, но и в истории всего человечества. „Финикийский алфавит“ является ни более ни менее как отцом всех ныне существующих алфавитных систем. К нему восходят все алфавиты Азии, а к южно-семитическому (древнеарабскому) шрифту, отделившемуся очень рано от финикийского письма, восходят все алфавиты Африки. Что касается алфавитов Европы, то здесь дело обстоит несколько сложнее. Родоначальником европейских алфавитов является греческий, восходящий, судя по финикийским названиям своих букв (альфа,

бета и т. д.), к „финикийскому“ шрифту. Действительно, формы многих греческих букв указывают на финикийское происхождение, но с другой стороны имеются буквы (напр. Σ), напоминающие своей формой буквы южно-семитического алфавита. Такая зависимость греческого алфавита одновременно от северного и южного ответвлений семитического алфавита являлась также одной из мучительных загадок в истории развития письма.

Уже классический мир сильно интересовался проблемой происхождения своего алфавита. Правда, одновременная связь греческого алфавита с финикийским и южно-семитическим шрифтами мало тревожила тогда исследователей, ибо южно-семитическое письмо находилось вне кругозора классического мира, а некоторые отличия греческого алфавита от финикийского они объясняли, конечно, дальнейшим развитием греческого письма. Дело в том, что почти все научные авторитеты древности сходились на положении о заимствовании греками алфавита у Финикийцев. На этом тезисе, к сожалению, кончалось единогласие и начиналось великое разногласие о происхождении самого финикийского алфавита. Почти все известные народы Востока выставлялись авторами этого гениального изобретения, несмотря на то, что у самих Финикийцев сохранилась определенная традиция о том, что „Τααυτος“, то-есть египетский „Тот“, бог мудрости и письма, был изобретателем и финикийских букв. Современная наука унаследовала разногласицу классического мира и создавала самые разнообразные теории о про-

исхождении финикийского алфавита по мере своего ознакомления с культурным миром древнего Востока. Первой из этих культур, вошедшей в область познания европейской науки, была культура древнего Египта. 27 сентября 1822 г. Фр. Шамполлион демонстрировал перед Парижской Академией Наук свои первые опыты дешифровки иероглифических надписей и установленный им иероглифический алфавит. Тогда же отец египтологии высказал догадку о том, что этот иероглифический алфавит послужил образцом для позднейшего финикийского алфавита. Мы увидим, что эта гениальная догадка Шамполлиона оказалась вполне правильной и нашла свое подтверждение в материале, найденном незадолго до столетнего юбилея созданной Шамполлионом науки. И тогда мысль, высказанная Шамполлионом, была поддерживаема и подкрепляема другими исследователями, но вскоре, наряду с предположением о происхождении алфавита из иероглифов, была создана великим египтологом де Ружэ теория о возведении финикийского алфавита к иератическому шрифту, т. е. к той скорописи, которой писались иероглифы на папирусах. Эта теория имела за собой то преимущество, что формы финикийских букв могли быть легче объяснимы из скорописных иератических форм, чем из иероглифов, сохранивших полностью свой первоначальный пиктографический облик. С середины XIX в. начинаются первые успешные опыты чтения клинописных надписей и ассириология, младшая сестра египтологии, начинает оттеснять на задний план свою стар-

шую сестру. Великие находки все нового и нового материала доказывали нам во всех областях передней Азии победоносное проникновение вавилонской культуры, а вместе с ней и клинописи. Такое свидетельство раскопок о мощной действенности клинописи заставляло предполагать зависимость финикийского алфавита от великой культуры Вавилонии. Создавались различные теории о связи семитического алфавита с клинописью. Указывали и на внешнее сходство финикийских букв с некоторыми клинописными знаками, сопоставлялись буквы и с теми сумерийскими пиктограммами, к которым восходят позднейшие клинописные знаки. Объясняли, наконец, порядок перечисления букв финикийского алфавита из порядка перечисления клинописных знаков и даже из порядка знаков зодиака, установленного, как известно, в Вавилонии, хотя, правда, в период, следующий за периодом создания семитического алфавита.

Если все эти объяснения зависимости семитического алфавита от письма Египта и Вавилонии имеют свое определенное „основание", ибо во всех этих случаях ученые оперировали со шрифтами определенными и графически и фонетически, то все последующие теории, возникавшие в последние десятилетия, не могут не вызвать некоторого недоумения. Так, была сделана попытка объяснить финикийское письмо из хетских (народа, жившего в Малой Азии) иероглифов, которые еще не читаются, а вследствие этого и всякие построения, основанные на них, не могут не висеть в воздухе. Такую же цену имеют попытки

объяснить возникновение финикийского алфавита из линеарного шрифта Эгейской культуры, то-есть до-греческой культуры Греции, остающегося вполне неизвестным нам. Еще меньшую цену имеют объяснения из таинственных горшечных узоров „средиземноморской расы“, находимых на керамике различных областей средиземноморского побережья.

II

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ФИНИКИЙСКОГО АЛФАВИТА

Подобное обилие разноречивых теорий о происхождении алфавита в современной науке должно нас поразить. Дело в том, что в отличительных признаках финикийского шрифта уже лежит известное указание на строго определенное письмо древнего Востока, являющееся в некотором отношении отцом семитического алфавита.

На такой путь дедукции ученые стали сравнительно недавно, и первым из них был Лидзбарский, один из лучших знатоков семитической эпиграфики [1]. Если мы обратимся, следуя методу Лидзбарского, к рассмотрению

[1] Эфемерис для семитической эпиграфики, т. I (1901), стр. 110 — 136. Эту мысль Лидзбарского раавил дальше Г. Шефер: „Отсутствие гласных в финикийском алфавите". (Временник для египетского языка, т. 52 (1915), стр. 95 — 98), и в особенности полно и обстоятельно К. Сете, „Происхождение алфавита" (Известия Король. Общества Наук в Геттингене. Деловые сообщения, 1916, вып. 2, стр. 88 — 161).

финикийского шрифта, то мы установим ряд особенностей, которые являются его отличительными признаками, выделяющими его среди прочих графических систем.

1) Первой и основной особенностью финикийского шрифта является его состав из настоящих букв, т. е. финикийское письмо передает все многообразие челевеческой речи с помощью 22 знаков, которые служат обозначению основных простых звуков речи.

2) Финикийский алфавит не знает принципа огласовки. Все знаки его отмечают лишь согласные, а гласные оставались в письме без внимания. Это было большое неудобство, и греки, при перенятии от финикийцев алфавита, создали самостоятельные буквы для гласных, а абиссинцы, переняв южно-семитический алфавит, создали с помощью его новый силлабический шрифт, каковым в сущности и является эфиопское письмо.

3) Имена букв финикийского алфавита в большинстве случаев обозначают конкретные предметы: алеф (1-ая) — бык; бет (2-ая) — дом; далет (4-ая) — дверь; вав (6-ая) — гвоздь; иод (10-ая) — рука; каф (11-ая) — ладонь; мем (13-ая) — вода; нун (14-ая) — рыба; ʿаин (16-ая) — глаз; пе (17-ая) — рот; реш (20-ая) — голова; шин (21-ая) — зуб. Очевидно, эти буквы восходят к пиктографическим образам и в некоторых случаях этот образ можно еще уловить в формах исторического семитического алфавита. Так, например, буква ʿаин (глаз) напоминает и в финикийском и в южно-семитическом письме рисунок глаза, южно-семитическая буква „далет“ (дверь), очевидно, восхо-

дит к рисунку двери, как она изображалась на памятниках Египта и Вавилонии, или же финикийский вариант буквы реш (головы) соответствует определенно схематическому рисунку человеческой головы. В обоих последних случаях рисунок — прообраз буквы повернут налево.

4) Фонетическое значение букв семитического алфавита получилось из их названий при помощи акрофонического принципа, т. е. первый звук имени буквы является в то же время фонетическим эквивалентом данной буквы, например буква, называвшаяся „бет" соответствовала „б", буква „далет" — „д", „вав" — „в" и т. д.

5) Наконец, последней и весьма характерной особенностью финикийского письма является направление письма справа налево, особенность, которая нас поражает до сих пор в современном письме ближнего Востока. Установив все эти особенности финикийского письма, мы попытаемся проследить те же особенности в других графических системах древнего Востока, и надо полагать, что та графическая система, в которой будет установлен комплекс указанных 5 особенностей, будет иметь весьма много шансов, чтобы претендовать на честь быть отцом финикийского алфавита.

III

ФИНИКИЙСКИЙ АЛФАВИТ И ПИСЬМО ЕГИПТА И ВАВИЛОНИИ

Первой и основной особенностью финикийского письма была, как мы выше видели, его алфавитность и эта особенность резко отличает его от клинописи. Последняя, являющаяся весьма совершенным орудием для передачи человеческой речи, „букв“ не знала. Она создала на ряду с чистыми идеограммами несколько сотен силлабических знаков, как для открытых слогов (ba, bi и т. д.), так и для закрытых (kur, lik и т. д.), но форм, означающих чистые согласные (b, d и т. д.) без соответствующей гласной, клинопись не знала. Такие знаки, графические эквиваленты для чистых согласных звуков, то-есть настоящие буквы, знала зато другая культура древнего Востока, создавшая иероглифическое письмо. Среди многих сотен иероглифов имеются 24 иероглифа, являющиеся такими же буквами, как и буквы финикийского алфавита. Это великое открытие „буквы“ было сделано народом Египта на заре своей истории, но оно не было доведено

им до последних логических выводов и балласт многих сотен пиктографических, силлабических и полисиллабических знаков был им сохранен. Причину такого, казалось бы, непонятного „консерватизма" египтян, приходится искать в том, что создание египетского алфавита было не актом индивидуального творчества, а шло постепенно веками, как следствие своеобразного развития речи народа Египта. Для уяснения всего этого придется сделать маленький экскурс в историю египетского языка и народа.

В долине Нила до прихода туда семитов сидел народ, вероятно, яфетической расы. На этот народ нахлынули в весьма отдаленное время волны первого семитического передвижения, которое мы обычно называем хамитическим. Завоеватели и покоренные в течение веков стали сливаться в один народ, в исторических египтян, создавших одну из великих культур человечества. Этот же египетский народ начал создавать письмо, которого не знало ни пранаселение долины Нила, ни семиты в момент их прихода туда. Начало египетского письма, как и всякого другого, была пиктография. Желание царя на своих победных памятниках отмечать свое имя дало и в Египте толчек к дальнейшему развитию письма. Одна из особенностей семитических языков сыграла важнейшую роль при создании письма, а именно, ничтожное значение гласных по сравнению с согласными. В семитических языках носителем слова являются не гласные, а согласные. Коль скоро гласные не играли роли, и ими можно было пренебрегать, то для

письма получалось большое количество гомонимов, которые можно было использовать для создания фонетического письма. Пиктограммы легко изобразимых предметов стали обозначать явления, не поддающиеся рисунку, но названия которых имели те же согласные и расположенные в том же порядке. Так, изображение навозного жука, состоящее из комплекса согласных „хпр“ (наш скарабей) стало служить обозначением и для глагола „быть“, соответствующего тем же и в том же порядке следующим согласным „х, п, р“, хотя огласовка того и другого слова была иная. Подобный прием египетского письма является до известной степени применением нашего „ребуса“, обозначающего „хворостом“ (сучья) „хворость“ (болезни), „луком“ (овощ) „лук“ (оружие) и т. д. Только египетский язык со своим пренебрежением к гласным обладал бо̀льшим количеством гомонимов и поэтому „ребус“ мог применяться в более широком масштабе. Дальнейшее облегчение создатели иероглифического письма нашли в той особенности египетского языка, которая восходила не к языку семитов, а к языку побежденного пранаселения. Дело в том, что смешение семитов с пранаселением повлияло не только на соматический облик завоевателей, но и на их язык.

Другой особенностью семитической речи (кроме вышеуказанного пренебрежения к гласным) была так называемая трехбуквенность корней, то-есть в основе их словообразования лежали различные группировки 3 согласных. Под влиянием языка пранаселения речь семи-

тов начала разлагаться, и железный закон трехбуквенности начинал терять свою безусловность, появились двухбуквенные и даже однобуквенные корни, а это обстоятельство имело свое решающее значение для дальнейшего развития письма. Изображения предметов, называвшихся двухбуквенными и однобуквенными словами, могли служить для обозначения трехбуквенного слова, состоящего из тех же согласных, что и они. Например, рисунок рта, название которого состояло из одной согласной „р“ (по-египетски „ро“), и шахматная доска, называвшаяся словом, соответствовавшим 2 согласным „мн“, могли, соединившись „р + мн“, обозначать „рмн“, плечо, и т. д. В подобных случаях египетскими писцами применялся принцип наших „шарад“. В особенности важную роль сыграли в египетском письме однобуквенные словообразования. Однобуквенные (или, вернее, односогласные) слова, как, например, „ро“ рот, „бу“ место, „пуи“ цыновка, „яд“ рука и т. д., могли, при опущении огласовки, не существенной для семита, превратиться в настоящие буквы согласные „р“, „б“, „п“, „д“ и т. д. Египетский народ воспользовался этим обстоятельством и однобуквенные слова дали ему возможность сделаться творцом настоящего алфавита из 24 букв-согласных, тысячелетием раньше западных семитов. Правда, это открытие не было сделано им внезапно, актом индивидуального творчества, а постепенно, по мере накопления у него однобуквенных слов, и поэтому иероглифический алфавит развивался вплоть до самого позднего периода египетской куль-

туры; так, двадцать пятая буква иероглифического алфавита „л“ была введена в египетское письмо в качестве „буквы“ лишь тогда. Эта постепенность составления алфавита не давала египтянам понять все величие своего открытия. Они дошли до него путем естественного развития своей речи. На ряду со своими алфавитными иероглифами они поэтому продолжали сохранять свои прочие бесчисленные иероглифы, наследие предшествующих периодов развития письма. Их консерватизм был тем более простителен, что в виду продолжающегося разложения египетского языка увеличивалось число гомонимов, например, группе двух согласных „мр“ могли соответствовать пять различных слов и поэтому при чисто фонетическом письме вытекали бы для понимания текста непреоборимые трудности. Если, таким образом, египтяне и не могли довести свое великое открытие до конца и создать чисто алфавитное письмо, то они все же сознавали в периоды вполне развившегося иероглифического письма важность своих алфавитных знаков и в некоторых случаях они ими сознательно пользовались, например, в магических текстах ради избежания того или другого силлабического или полисиллабического иероглифа, таящего в своем образе какие-нибудь злые чары. В единственном папирусе, сохранившем систему перечисления египтянами иероглифов, алфавитные иероглифы выделены в отдельную группу. В виду этого западные семиты, весьма близко знакомые с египетской культурой и иероглифическим письмом, не могли пройти мимо

замечательного достижения Египта, иероглифического алфавита, и оно могло натолкнуть их на мысль создать себе столь же совершенное орудие для зафиксирования своей речи. За такую зависимость семитического алфавита от иероглифического еще более веско говорит другая особенность финикийского шрифта, а именно, полное отсутствие огласовки. Это было большим неудобством и чрезвычайно затрудняет наше понимание финикийских надписей и других семитических текстов, написанных одними согласными. Это неудобство чувствовалось и самими семитами, и они впоследствии вводили в свое письмо принцип огласовки. Поэтому факт отсутствия гласных в финикийском алфавите определенно указывает на то, что корни этого алфавита восходят к письму, также не знавшему принципа огласовки. В противном случае финикийский алфавит являлся бы непонятным шагом назад в истории развития человеческого письма. Если мы обратимся к двум графическим системам классического Востока, то окажется, что клинопись, созданная гением сумерийцев, народа не семитической расы, знала принцип огласовки, и ее единственными буквами на ряду с сотнями силлабических характеров являются 5 гласных (а, е, и, у, ý). Зато иероглифическое письмо Египта, как мы выше видели, не знало огласовки. Здесь пренебрежение гласными давало возможность развиться фонетическому письму. Такое отсутствие гласных было, конечно, большим недостатком в письме, но египетские писцы обходились в своих надписях без помощи огла-

совки так же легко, как художники Египта обходились в своих рисунках и рельефах без категории пространства. Семиты, познакомившиеся в Египте с идеей алфавита, должны были познакомиться с письмом, пренебрегающим гласными, здесь же, а отнюдь не в Вавилонии, с ее клинописью, столь тщательно отмечающей гласные.

Если и алфавитность и отсутствие огласовки в финикийском шрифте указывают на Египет, то сюда же указывает и пиктографический образ первоначальных знаков семитического алфавита. Знаки, являющиеся изображениями быка, дома, головы, зуба, рта и т. д., конечно были навеяны образами письма, сохранившего свой пиктографический характер в момент возникновения финикийского алфавита. Зачатки последнего восходят к первой половине II тысячелетия (см. ниже) и в эту эпоху клинопись уже почти совсем потеряла связь с первоначальным своим пиктографическим обликом. Иначе дело обстояло в Египте: здесь иероглифическое письмо сохранило до самого последнего времени свой пиктографический облик, придававший ему столько таинственности в глазах не посвященных в его по существу весьма простые правила. Семиты, ознакомившись с алфавитом египтян, естественно должны были придать и буквам своего алфавита тот же пиктографический облик, который очаровывает всякого знакомящегося с иероглифами. В случае заимствования идеи алфавита из клинописи, облик букв, конечно, был бы лишен своего рисуночного характера и поэтому пиктографический облик букв пер-

вичного семитического алфавита, в виде головы, глаза, рта и т. д., определенно указывает на зависимость финикийского шрифта от Египта.

С пиктографичностью финикийских букв было, как мы выше видели, своеобразно связано их фонетическое значение. Применение акрофонического принципа давало для „бет" (дом) значение „б", для „реш" (голова) значение „р" и т. д. Акрофонический принцип, столь характерный для финикийского алфавита, был чужд клинописи. Здесь имена силлабических знаков создавались лишь после того, как эти знаки получили свое фонетическое значение, а не одновременно с ним. Акрофонический принцип был в сущности чужд и египетскому письму, и некоторые египетские „буквы" получили свое фонетическое значение независимо от первого звука имени предмета, который они изображали, например, „иод" (рука) обозначало „д". Но у большинства иероглифических букв фонетическое значение совпадало все же с первым звуком названия предмета, соответствующего иероглифу, например, иероглиф „цыновка" (пуи) обозначала „п", иероглиф „рот" (ро) — „р", „бу" (место) — „б" и т. д. Иностранцы, познакомившиеся с египетским алфавитом, могли и должны были, конечно, предположить, что он построен на акрофоническом принципе. Такое предположение было тем более естественным, что уже в начале второго тысячелетия и сами египтяне стали рассматривать свой алфавит, как результат применения акрофонического принципа. Семиты, познакомив-

шись в Египте с гениально простой идеей алфавита, здесь же в долине Нила могли убедиться в значении акрофонического принципа для превращения пиктографа в фонему.

В Египте, наконец, семиты могли познакомиться и с последней характерной особенностью финикийского шрифта, а именно, с направлением письма справа налево, а не слева направо. Эта особенность египтян писать справа налево, а не наоборот, поразила уже Геродота: „Эллины пишут и считают камешками от левой руки к правой, а египтяне от правой к левой“ [1]. В этом отношении письмо египтян резко отличалось от Вавилонской клинописи с ее направлением слева направо, подобно нашим шрифтам. Правда, в архаический период направление письма в Вавилонии и Египте не отличалось друг от друга своим направлением, а было тожественно и тут и там. В древнейший период писцы Египта и Вавилонии, подобно писцам Китая, писали вертикальными строками, начиная заполнять лист папируса, или таблетку глины справа налево, при чем лицо иероглифов было обращено направо. Такой способ писать имел то удобство, что пишущий мог легко держать своей свободной левой рукой лист папируса, или глиняную таблетку, не давая ей двигаться при движении правой руки и не мешая этой последней, и этот способ писать до сих пор продолжает сохраняться в Китае. Но подобный прием имеет и свое неудобство, так как пищущий при за-

[1] Геродот, кн. II, гл. 36, перевод П. Г. Мищенки.

полнении листапапируса, или таблетки, справа налево может легко затереть знаки только что написанной строчки. Это весьма существенное неудобство и заставило писцов Египта и Вавилонии повернуть свой лист папируса, или таблетку, так, что письмо начало располагаться не вдоль высоты листа, или таблетки, а вдоль широты, и поэтому вместо вертикальных строк появились горизонтальные. В Вавилонии эта новая реформа письма была проведена настолько механически, что вместе с изменением положения таблетки знаки стали писаться не стоящими, как раньше, а в лежку, и начало надписи продолжало быть локализованным на том же пункте таблетки, что и раньше. Действительно, писцы Вавилонии начинали теперь писать на таблетке с верхнего левого угла, а этот последний был до вышеуказанного поворота таблетки правым верхним углом, с которого, как мы выше видели, писцы Вавилонии, подобно писцам Египта и Китая, начинали свои надписи. Механически цепляясь за старый исходный пункт письма на таблетках, писцы Вавилонии создали новое направление письма слева направо, направление, которое впоследствии стало характерным для графических систем Европы. Египетские писцы не столь механически провели свою реформу. Иероглифы, или вернее иератические знаки, сохранили и при изменившемся положении листа папируса свое вертикальное положение, исходный же пункт письма не был перенесен на верхний левый угол листа, а был локализован в верхнем правом углу, соответствовавшем до изменения положения листа—

низшему правому углу. Сознательно стремясь сохранить старые правила своей графики, египетские писцы и создали для письма горизонтальными строками направление справа налево. Если мы находим эту же особенность направления письма впоследствии в финикийском шрифте, то мы, конечно, должны предположить зависимость последнего от египетского письма. Западные семиты переняли эту особенность из Египта вместе с идеей алфавита. Такое же предположение столь же необходимо, как и обратное о зависимости финикийского алфавита от клинописи, если бы направление финикийского письма в шрифте было бы слева направо, а не наоборот.

Мы пришли к концу нашего сравнения отличительных признаков семитического алфавитного письма с отличительными признаками двух главнейших графических систем древнего Востока, египетской и вавилонской. Это сравнение дало определенный вывод. Все указанные пять особенностей финикийского письма— алфавитность, отсутствие огласовки, пиктографический облик букв, акрофонический принцип и, наконец, направление письма справа налево, встречаются и в иероглифическом письме. Клинопись же своей силлабичностью, огласовкой и знаками, потерявшими свой пиктографический облик, отсутствием акрофонического принципа и, наконец, направлением письма слева направо, во всех отношениях резко отличается от семитического алфавитного письма. Правда, мы имеем еще одну особенность финикийского шрифта, которую нельзя объяснить из египетского письма, и

которую пытались объяснить из клинописи, а именно, своеобразный порядок перечисления финикийских букв: алеф, бет и т. д., унаследованный и греками и сохранившийся в нашем алфавите. Мы почти не имеем сведений о порядке перечисления египтянами своих алфавитных букв, и единственный папирус позднего времени, сохранивший нам систему перечисления иероглифов, перечисляет иероглифические буквы в ином порядке, чем финикийский алфавит. Поэтому все попытки объяснения принципа перечисления финикийских букв из египетской графической системы пока что осуждены на неудачу, но и попытки объяснения его из клинописи тоже не имели пока успеха. Ни расположение знаков зодиака, игравшего такую роль в мифологии Вавилонии, ни система перечисления вавилонскими писцами клинописных знаков не могли объяснить убедительно все особенности порядка перечисления финикийских букв. Вероятно, этот загадочный принцип перечисления финикийского алфавита и не является особенностью наидревнейшего вида этого алфавита. По крайней мере, южно-семитическое письмо знает совсем иной распорядок букв, чем финикийский, и наверное известное ныне перечисление финикийских букв сложилось уже после отделения от прасемитического алфавита южно-семитической его ветви, и эта последняя может быть и сохранила нам древнейшую систему перечисления семитических букв. Вполне возможна догадка, что принцип этого перечисления будет легче объясним из египетского письма, чем

принцип перечисления финикийских букв. Конечно, настаивать на этой догадке нельзя и разумнее всего будет признать то, что загадка порядка перечисления семитических букв ждет еще своего Эдипа. Зато все другие особенности финикийского письма, какие мы выше видели, находят свои поразительные параллели в особенностях египетского письма и поэтому можно и должно, на основании одного только сравнения особенностей того и другого письма, предположить зависимость финикийского алфавита от египетского письма.

IV

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЕ СИНАЙСКИЕ НАДПИСИ И ИХ ОСОБЕННОСТИ

Априорное умозаключение о египетском происхождении семитического алфавита можно теперь подкрепить новым доказательным материалом, найденным на Синайском полуострове, области, приобщенной египтянами с древнейшего времени к своему государству. Здесь ими разрабатывались столь важные медные рудники. В эпохи расцвета египетского государства в копях работа не прекращалась, создавались постоянные рабочие поселки и держался гарнизон, который должен был отражать набеги бедуинов. Чиновники и офицеры, посылаемые туда, оставили нам множество иероглифических надписей. Эти надписи были собраны впервые Вейллем, в первые годы нашего столетия. Среди бесчисленных иероглифических надписей, найденных им в Уади-Магара, где находились главные рудники, был им найден и фрагмент надписи, состоящий из 8 знаков какого-то своеобразного письма, сильно на-

поминающего иероглифы[1]. Тогда на этот фрагмент никто не обратил внимания, слишком уж незначителен был фрагмент надписи и своеобразность знаков могла быть легко объяснима попыткой мало грамотного рабочего или солдата увековечить свое имя и молитву иероглифическим письмом. В 1905 г. была отправлена на Синай археологическим обществом „Фонд для исследования Египта“ большая экспедиция под руководством знаменитого Флиндерс Питри. Эпиграфические результаты этой экспедиции были поразительны. Были подготовлены материалы для издания многих сотен иероглифических надписей. Среди множества египетских надписей были найдены в рудниках Уади-Магара и соседнем с ними храме богини „Гатор, владычицы Малахита“, так называлась египтянами местная богиня, еще десяток памятников со знаками таинственного письма, тожественными с своеобразными знаками фрагментированной надписи, найденной в свое время Вейллем. Всего оказалось этих надписей таким образом 11. Уже беглое исследование всего этого комплекса надписей указывает на то, что знаки, составляющие их, сильно напоминают своим внешним видом египетские иероглифы, но имеют, очевидно, совсем иное фонетическое значение. К сожалению, издание материалов Синайской экспедиции несколько задержалось, а плохие копии этих памятников с таинственными иероглифообразными леген-

---

[1] Р. Вейлль. Собрание египетских надписей Синая, Париж, 1904, стр. 194, № 44.

дами, воспроизведенными Фл. Питри в его „Разысканиях на Синае“ (Лондон 1906 г., стр. 129 сл.) не могли, конечно, послужить основанием для серьезной дешифровки вновь открытого письма, а поэтому на него и не было обращено должного внимания. Лишь в лице известного английского египтолога А. Г. Гардинера, которому было поручено издание эпиграфических результатов экспедиции Фл. Питри, эти таинственные синайские надписи нашли своего истолкователя. В 1916 г. Гардинер посвящает им небольшое, но чреватое своими достижениями исследование: „Египетское происхождение семитического алфавита“ (Журн. египет. археолог. III (1916), стр. 1—16). В своеобразных знаках этих 11 надписей Гардинер предполагает найти праобразы семитического алфавита. В своем исследовании он дает фотографии всех одиннадцати надписей, но фотографии мало помогают читателю его труда. Дело в том, что надписи выступают настолько неясно на обветрившемся камне, что контуры их знаков по фотографии почти нельзя уловить. Поэтому Гардинер прилагает к своему труду и тщательно выполненные автографии, которые до некоторой степени могут заменить оригинал или эстампаж. Конечно, на абсолютное доверие и эти автографии не могут претендовать. Гардинер сам предупреждает пользующегося его рисунками о чрезвычайно плохой сохранности памятников, мешающей часто исследователю уловить подлинные контуры того или другого знака. Принимая все это во внимание, я по-

стараюсь дать описание этих одиннадцати памятников, являющихся носителями таинственных Синайских надписей. Они не являются все однородными. Среди них 3 принадлежат к памятникам круглой скульптуры, а 8 являются стелами, или фрагментами их. И по месту своей находки данные две группы памятников разнятся друг от друга. Памятники круглой скульптуры были найдены в храме „Гатор, владычицы Малахита“, а стелы были выбиты в скалах соседнего рудника. Самым интересным из 3 скульптурных памятников является бесспорно маленький каменный сфинкс, напоминающий несколько по стилю памятники позднего среднего царства (ок. 1800 г. до Р. Х.). Между лапами вырезано египетскими иероглифами царское имя, соответствующее титулу „Гора“. Иероглифом имени царя является силлабический знак, состоящий из звуков „м“ и „алеф“. Египетский царь с подобным именем встречается впервые. На правом плече сфинкса две горизонтальные строки иероглифов: „Любимец Гатор, владычицы Малахита“. На правом краю плинтуса, на котором покоится сфинкс, сохранилось 6 знаков неизвестного письма, а на левой стороне плинтуса — 8. Знаки смотрят влево. Остальные два памятника круглой скульптуры украшены только надписями на неизвестном письме. Первым из них является небрежно сделанная каменная статуя мужчины, сидящего на корточках, с натянутым на ноги одеянием. На правой стороне колен около десятка небрежно расположенных знаков. На фронтальной плоскости статуи врезаны две вертикаль-

ных строки, упирающихся в одну горизонтальную. Знаки смотрят направо. Третьим скульптурным памятником является человеческий бюст. На груди вертикальная строка из 3 знаков, смотрящих направо.

Стелы своей формой приближаются к обычному типу закругленных наверху египетских стел. В противоположность последним они почти лишены изображений. Только одна из них украшена на своей правой стороне изображением бога Птаха, стоящего в виде мумии в наосе. Налево фрагментированная вертикальная строка надписи, да в левом углу еще 3 изолированных знака. Знаки смотрят налево. Одна стела отличается тщательностью своей работы. Горизонтальные строки (около 8) отделены друг от друга желобчатыми линиями. Знаки обращены налево. Другая стела интересна наличностью на ней целой строки египетских иероглифов. Строка расположена вертикально и вторая половина ее пострадала. Начало ее можно, пожалуй, перевести: „да будет место его каждый месяц...“. По обе стороны иероглифической строки вертикальные строки нового синайского письма. Знаки смотрят налево. Прочие стелы сильно фрагментированы, и знаки на них расположены в большом беспорядке. На одном и том же памятнике знаки смотрят то налево, то направо. Все эти надписи со своеобразным египтизирующим письмом весьма немногословны. Гардинер насчитал на всех этих 11 памятниках около 150 знаков. Среди них он устанавливает лишь 32 различных типа, из которых 4 могли бы быть, по

его предположению, вариантами других знаков. Взгляд на приложенную таблицу покажет, что число это может еще быть сокращено. Все без исключения знаки уже при беглом взгляде выдают свою сильнейшую зависимость от образцов иероглифического письма. Для каждого из них можно найти прообразы их среди египетских иероглифов и, если это иной раз бывает затруднительным, то лишь благодаря неустойчивости образов новых Синайских письмен. Они, очевидно, недавно возникли и не успели отложиться в твердую, строго определенную форму (см. в таблице №№ 2, 5, 10 и др.). Если, таким образом, новое Синайское письмо бесспорно зависит в сильнейшей степени от иероглифов, то с другой стороны несомненно существует какая то интимная связь между „синайскими“ знаками и буквами семитического алфавита. Действительно, многие из знаков вновь найденных надписей в рудниках Уади Магара и в храме Галеф изображают как раз предметы, которые называют имена букв семитического алфавита. Мы видим здесь „голову быка“—„алеф“ (№ 1 табл.); „дом“—„бет“ (№ 2 табл.); „дверь“ — „далет“ (№ 4 табл.); „гвоздь“—„вав“ (№ 6 табл.); „руку“—„иод“ (№ 8 табл.); „воду“—„мем“ (№ 11 табл.); „змею“—„нахас“ (№ 12 табл.); „глаз“ — „ʿаин“ (№ 14 табл.); „рот“ — „пе“ (№ 15 табл.) и „реш“ — „голову“ (№ 18 табл.). Такое совпадение не может нас не поразить. Из многих сотен египетских иероглифов творцами „Синайского“ письма были выбраны как раз те иероглифы, которые изображали предметы,

БУКВЫ

I. Синайские. II. Египетские.		III. Финикийские.		IV. Южн. Семит.		V. Греческие.	
1	Бык	1	алеф	13	alf	1	ἄλφα
2	Дом	2	бет	9	bēt	2	βῆτα
3	Угол	3	гимель	20	gaml	3	γάμμα
4	Дверь	4	далет	19	dant	4	δέλτα
5	Человек с поднятыми руками	5	ге	1	hōi		εἶ
		8	хет	3	ḥāut		ἦτα
				11	ḫarm		

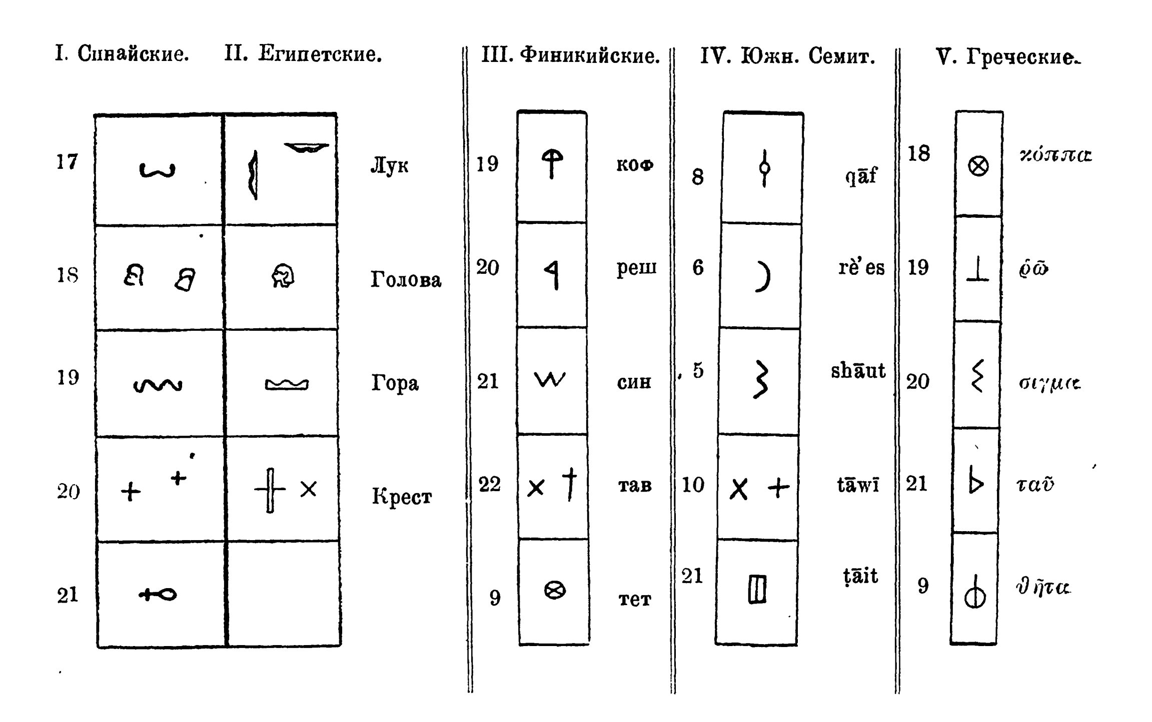
	I. Синайские.	II. Египетские.		III. Финикийские.			IV. Южн. Семит.			V. Греческие.	
										22		
6			Мачта	6		вав	15		wāwī	6		
7			Дерево	7		заин	17		zāi	7		ζῆτα
8			Рука	10		иод	18		yaman	10		ἰῶτα
9			Растение	11		каф	14		kāf	11		κάππα
10			Веревка	12		лямед	2		lāwī	12		λάμβδα
11			Вода	13		мем	4		māi	13		μῦ

	I. Синайские.	II. Египетские.	
12			Змея
13			Рыба
14			Глаз
15			Рот
16			Переплетенная веревка.

III. Финикийские.		
14		нун
15		самех
16		ʻаин
17		пе
18		цаде

IV. Южн. Семит.		
12		nahās
7		sāt
16		ʻāin
25		af
23		ṣadāi

V. Греческие.		
14		νῦ
15		ξῖ
16		οὖ
17		πεῖ

I. Синайские.
II. Египетские.
III. Финикийские.
IV. Южн. Семит.
V. Греческие.
17
Лук
19
коф
8
qāf
18
κόππα
18
Голова
20
реш
6
rè'es
19
ῥῶ
19
Гора
21
син
5
shāut
20
σιγμα
20
Крест
22
тав
10
tāwī
21
ταῦ
21
9
тет
21
ṭāit
9
θῆτα

соответствующие именам букв финикийского алфавита. Уже это одно обстоятельство определенно доказывает связь с синайским письмом и с последующим финикийским шрифтом. Еще, может быть, одна особенность сближает синайские иероглифы с семитическими буквами, а именно, их направление. Правда, мы отметили, что на большинстве памятников это направление трудно установить, оно меняется даже в одной и той же надписи. Но среди этих одиннадцати надписей выделяется стела с аккуратно выполненными знаками и строками, отделенными друг от друга желобчатыми линиями, и поэтому можно предположить, что направление знаков данного памятника является типичным для „Синайского письма". Направление же знаков указанной стелы весьма любопытно. В противоположность египетским иероглифам, знаки неизвестного Синайского писания на этом памятнике обращены не направо, а налево. Налево же смотрели и пиктографы, из которых с течением времени развились исторические образы семитического алфавита. Если на других памятниках Синайского письма „иероглифы" его смотрели направо, то это объяснялось декоративными соображениями, подобно тому, как и египетские иероглифические надписи ради тех же соображений меняли свое направление. В условиях чистой графики синайские „иероглифы" смотрели, очевидно, налево и этим они тесно примыкали к буквам финикийского алфавита.

V

ОПЫТ ДЕШИФРОВКИ НАДПИСЕЙ

Все эти только что указанные особенности Синайского шрифта заставили Гардинера искать здесь решение загадки происхождения финикийского алфавита. Для этого требовалось доказать фонетически тожество таких знаков Синайского письма, как „бык“, „дом“, „глаз“ и т. д., с финикийскими буквами „алеф“ (бык), „бет“ (дом), „ʿаин“ (глаз) и т. д. Непременным условием успешности такого доказательства было хоть некоторое понимание Синайских надписей, и путем остроумнейшей комбинации Гардинеру удалось пролить яркий свет на эти загадочные письмена. Свою дешифровку он начинает с надписи на сфинксе. На этом памятнике, как мы выше видели, были вырезаны на ряду с знаками неизвестного письма еще и египетские надписи. Между лапами можно было прочесть имя царя „м-алеф“, а на плече „любимец Гатор, владычицы Малахита“. Можно было с некоторой вероятностью уже a priori предположить, что перед нами билингва (двуязычная над-

пись), и что „синайская“ надпись хоть отчасти дает перевод иероглифической. Это априорное предположение я бы мог подкрепить еще следующим соображением. В надписи между лапами упоминается, как было выше сказано, царское имя, состоящее из двух согласных „м“—„алеф“. Если синайские знаки сфинкса—перевод египетской надписи, то естественно найти это царское имя среди знаков неизвестного письма на плинтусе сфинкса. И действительно, надпись на правой стороне плинтуса начинается нижеследующими двумя знаками: 1) волнистою линией, знаком воды (табл. № 11), соответствовавшей финикийскому „м“, и 2) головой быка (табл. № 1), соответствовавшей финикийскому „алеф“. Возникает уверенность, что эти два знака Синайского письма передают имя царя, написанное между лапами сфинкса египетскими иероглифами. Такое совпадение, конечно, подкрепляет априорную догадку о двуязычном характере надписей сфинкса и поможет нам впоследствии разобраться в знаках его. На левой стороне плинтуса мы имеем на конце (начиная слева) надписи группу из 4 знаков, для которых Гардинер в высшей степени талантливо установил значение. Первый (см. табл. 2) из этих четырех знаков, начиная слева направо, является знаком, похожим на египетский иероглиф дома, второй (табл. № 14) на иероглиф глаза, третий (табл. № 10) на спиралью свернувшуюся веревку, и, наконец, четвертый (табл. № 20) на крест. Эти 4 знака соответствовали части иероглифической надписи сфинкса „Царь и. р. любимец Гатор,

владычицы Малахита". Исследуя и прочие памятники Синайского письма, Гардинер сделал наблюдение, что указанная группа 4 знаков встречается еще 5 раз на статуе сидящего на корточках человека и на четырех стелах. Принимая во внимание, что в синайских рудниках почиталась „Гатор, владычица Малахита", и что имя этой богини пестрит в иероглифических надписях Синая, можно было предположить, что и указанные группы неизвестного письма соответствовали имени богини. Подобное предположение находило свое подтверждение и в том обстоятельстве, что эти группы были выцарапаны на статуе и на сфинксе, на памятниках, найденных в храме „Гатор, владычицы Малахита", а на сфинксе имелась даже египетская надпись, называющая богиню. Отрицательное подкрепление для правильности своего отождествления Гардинер нашел еще в том обстоятельстве, что эта группа 4 знаков не встречается на стеле с изображением бога Птаха. В виду всего вышесказанного мы можем вместе с Гардинером сопоставить вышеописанную группу из 4 знаков неизвестного письма с египетским названием местной богини „Гатор, владычицы Малахита". Гардинер, допустив подобное толкование исследуемой группы, пришел к интереснейшему результату.

Первый знак группы в сильнейшей степени напоминает египетский иероглиф „дома" и, таким образом, соответствует тому предмету, которым названа вторая буква семитического алфавита — „бет". Второй знак

группы, являясь иероглифом глаза, изображает явление, которым названа семитическая буква „ʿаин", то-есть „глаз". Третий знак несколько напоминает внешней своей формой семитическую букву „лямед" (см. табл. №10, кол. I и III) и, наконец, четвертый вполне тожествен по своему облику с последней буквой семитического алфавита „тав" (табл. № 20, кол. I и III). Установив такое поразительное „формальное" тожество между указанными 4 знаками неизвестного письма и 4 буквами семитического алфавита „бет", „ʿаин", „лямед" и „тав", Гардинер должен был предположить тожество и в фонетическом их значении. Придя к такому выводу, он получает в лице разбираемой им группы таинственного синайского шрифта слово „bʿlt", то-есть семитическое слово, обозначающее „владычицу" (Βααλτις). То обстоятельство, что богиня называется без своего собственного имени, просто „владычица", весьма характерно для религиозного мышления западных семитов. Вспомним, что говорит Б. А. Тураев об именах божеств финикийцев, одного из наиболее культурных племен этой ветви семитической расы: „Имена божеств крайне просты, нарицательны и исключают всякую мифологическую фантазию. Это „владыки" (Ваал), „господа" (Адон), „цари" (Мелек-Молох), „владычицы" (Ваалат) или просто „боги" (Эл)"[1]. В виду этого не подлежит сомнению, что чтение Гардинером указанной группы безусловно правильно. Это чтение

[1] Б. А. Тураев. История древнего Востока, II, стр. 11.

является абсолютным достижением в дешифровке синайского письма и оно послужит незыблемым основанием для дальнейших работ в данном направлении, в такой же степени, как и гениальная комбинация Гротефенда в свое время являлась исходным пунктом для всех последующих попыток дешифровки персидской клинописи. Но так же, как Гротефенд, и Гардинер не довел до конца столь блестяще им начатое дело. Следующими словами он заканчивает свою дешифровку вышеописанной „группы“: „К сожалению я не имею предположения для какого либо чтения другого слова, так что дешифровка имени „Ва'алят“ должна остаться, поскольку это меня касается, непроверенной гипотезой“ [1]. Гардинер удовлетворился затем установлением тех из „иероглифов“ Синайского письма, которые изображают предметы, служащие именем для букв семитического алфавита, и отожествляет их с этими буквами.

Исследование Гардинера, сделавшее вероятным столь долго оспариваемое египетское происхождение семитического алфавита, естественно приковало к себе внимание научного мира. Английский семитолог Коулэ в сотрудничестве с известным Сейс пытался, исходя из достижений Гардинера, установить алфавит Синайского письма и на основании его прочесть надписи [2]. Его результаты не удовлетворили Сете и установленный этим

---

[1] У. с., стр. 15.

[2] Коулэ. Происхождение семитического алфавита (Журнал египетской археологии III (1916), стр. 17—21.

последним „Синайский“ алфавит в сильнейшей степени разнится от алфавита установленного Коулэ и Сейсом [1]. Меня бы слишком далеко завел разбор и оценка различных взглядов названных ученых на тот или иной знак „Синайского“ письма, и я поэтому попытаюсь установить мой собственный алфавит, опираясь на труды названных исследователей и некоторые самостоятельные наблюдения. Установив этот алфавит, я попытаюсь с помощью его прочесть те из Синайских надписей, которые сохранились лучше и поэтому не столь безнадежны для попыток дешифровки.

---

[1] К. Сете. Вновь открытое Синайское письмо и возникновение семитического письма. (Известия Корол. Общества Наук в Геттингене. Фил.-ист. кл, 1917, вып. 3, стр. 437 — 475). Этой статье Сете я чрезвычайно многим обязан.

VI

ИЕРОГЛИФЫ СИНАЙСКИХ НАДПИСЕЙ И БУКВЫ ФИНИКИЙСКОГО АЛФАВИТА

Прежде, чем приступить к отожествлению знаков Синайского письма с той или другой буквой семитического алфавита, необходимо сведение всех 150 знаков, которые были насчитаны Гардинером, к основным их типам. Гардинер, как мы видели выше, установил 28 — 32 таких типов, мне удалось свести их к 21 (см. табл.).

Из этих 21 основных „иероглифов" Синайского письма 6 знаков уже отожествлены с соответствующими 6 буквами финикийского алфавита. 4 знака, прочитанные Гардинером, как „владычица", а именно иероглифы „дома", „глаза", „веревки" и „креста", тожественные с финикийскими „бет", „ʿаин", „лямед", „тав", и 2 знака, являющиеся согласно моему толкованию именем египетского царя, иероглифы „волны" и „голова быка", соответствующие финикийским „мем" и „алеф". Остается, таким образом, отожествить еще 15 знаков Синайского письма. При отоже-

ствлении я буду руководиться следующими соображениями. Сперва я попытаюсь определить тот предмет, который изображается тем или иным Синайским знаком. Этому определению может иной раз способствовать установление египетского прообраза для исследуемого знака. Определив пиктографическое значение Синайского иероглифа, можно будет его сопоставить с той из финикийских букв, имя которой называет предмет, изображаемый данным знаком. Не всегда ясны и определенны те предметы, которые соответствуют названиям финикийских букв. 2 из этих букв, которые являются производными, а именно „Хет", производное из „Те", и „Тет" из „Тав", не изображали конкретный предмет, а имели искусственно образованные имена, которые можно сравнить с именами греческих букв „фи", „хи" и „пси". Мое рассмотрение оставит совсем в стороне „Хет", ибо эта буква, кажется, в известных нам 11 синайских надписях не встречается.

1) Первым из еще не отожествленных синайских знаков является иероглиф, напоминающий „угол" (см. табл. № 3). Он напоминает по форме египетский иероглиф „кнб", являющийся пиктограммой „угла дома". По форме своей этот синайский иероглиф больше всего напоминает третью букву финикийского алфавита „гимель". Возможно, что и имя этой буквы означает примерно то же, что и „угол дома". По крайней мере Сете сопоставляет это имя финикийской буквы с арабским „гамала" — „соединять, связывать".

2) Синайский знак, встречающийся только

один раз на левой стороне плинтуса сфинкса и напоминающий египетский иероглиф „двери", изображенный не в вертикальном, а в косом положении (см. табл. № 4). Коль скоро перед нами, действительно, изображение двери, то и отожествление данного знака с 4-й финикийской буквой „далет" (дверь) не подлежит сомнению.

3) Одним из наиболее образных знаков Синайского письма является часто встречающийся иероглиф, изображающий стоящего человека с высоко поднятыми руками (см. табл. № 5). Он очень близок египетскому иероглифу, служащему для обозначения глаголов „ликовать" и „быть высоким". С другой стороны, по наблюдению Сете синайский знак весьма напоминает форму букв южно-семитического алфавита для 3-х звуков (см. табл. № 5, кол. III). Сете наверное прав, когда имя 5-й буквы финикийского алфавита „he" сопоставляет с восклицанием „hā", „о" арабского и других семитических языков, и, конечно, нельзя было придумать для восклицания более удобного пиктографа, чем человек с поднятыми руками.

4) Следующий Синайский знак встречается только раз и тоже подобно „д" (далет) вырезан на левой стороне плинтуса сфинкса. Это высокий вилкообразный знак (см. табл. № 6), напоминающий египетский иероглиф, означающий мачту, а с другой стороны весьма близкий финикийской букве „вав", название которой соответствовало, кажется, чему то вроде „гвоздя". Очень возможно, что творцы синайского алфавита видели в египетском иеро-

глифе „мачты“ предмет, называющийся на их языке „вав“.

5) Несколько раз встречается „иероглиф“, состоящий из 2 линий, одной прямой и одной загнутой, соединенных друг с другом третьей (см. табл. № 7). Он напоминает мне несколько египетский иероглиф отрезанной ветки дерева. При сравнении его с финикийскими буквами, кинется сразу в глаза удивительное сходство с 7 буквой финикийского алфавита, называющейся „Заин“. Значение этого слова не совсем ясно и для уяснения себе первоначальной пиктограммы этой буквы придется воспользоваться ее греческим названием „Зета“, сохранившим нам, вероятно, древнесемитическое имя буквы. „Зета“ соответствует финикийскому названию масляничного дерева и поэтому, вероятно, буква означает не что иное, как ветку этого дерева, то-есть то же, что и иероглиф синайского письма.

6) Только раз встречается среди синайских „иероглифов“ знак, напоминающий вертикально поставленную руку (см. табл. № 8). Он близок египетскому иероглифу руки и соответствует, очевидно, 10-й букве финикийского алфавита „иод“, „рука“.

7) Несколько раз мы находим на разбираемых памятниках Уади Магара знак, напоминающий нам растение с 3 стеблями (см. табл. № 9). Он очень схож с египетским иероглифом, читаемым „хн“ и представляющим из себя 3-х стеблевое растение. С другой стороны, синайский иероглиф почти тожествен по облику своему с 11-й финикийской буквой, наименованной „каф“. „Каф“ озна-

чает, правда, „ладонь“, но Сете указывает на переносное значение „каф“ в библии (Лев. 23,40) в качестве „ветки“ пальмы.

8) Одним из самых частых знаков синайского письма является „змея“ (см. табл. № 12). Знак очень близок египетскому иероглифу „змеи d“ и несколько напоминает 14-ю финикийскую букву „нун“. Правда, последнее слово является названием не „змеи“, а „рыбы“, но зато в эфиопском алфавите эта буква названа „нахас“ — „змея“.

9) Несколько раз мы встречаем знак „рыбы“, весьма напоминающий египетский иероглиф рыбы „ỉn“ (см. табл. № 13). Среди знаков финикийского алфавита мы не имеем буквы, название которой можно было бы толковать „рыбой“, кроме только указанного „нун“, но который мы уже отожествили с иероглифом „змеи“. Сете находит выход из затруднения, сближая название 15-й финикийской буквы „самех“ — „с“ с арабским „самак“ — „рыба“.

10) Наиболее неустойчивым по своей форме знаком является 15-й иероглиф нашей таблицы. Некоторые его варианты весьма близки египетскому иероглифу, изображающему человеческий рот. Вероятно, желание отличать его от знака „глаза“, который и в египетском иероглифическом письме весьма близок иероглифу „рта“, заставило писцов Синайских надписей варьировать и осложнить круглый или овальный знак рта. Несмотря на это, некоторые варианты этого знака весьма близки 17-й букве финикийского алфавита, называющейся „пе“, то-есть „рот“.

11) Очень часто встречается знак, напоминающий „лук“ (см. табл. № 15). Он, очевидно, является производным от египетского иероглифа „лука“. Пиктографически его можно сблизить с 19-й финикийской буквой, напоминающей знаменитые надписи „Меши“, царя Моава IX века, увековечившего в ней свои победы над Израилем, действительно, лук с приставленной к нему стрелой. Затруднение только вызывает имя финикийской буквы „коф“, непонятное по своему смыслу, но, конечно, ничего общего не имеющее с „луком“. Этого затруднения можно избегнуть, предполагая вместе с некоторыми другими исследователями, что первоначальное название 19 буквы финикийского алфавита было „кешет“, то-есть „лук“.

12) Несколько раз Синайские писцы воспользовались знаком, напоминающим переплетающуюся веревку (см. табл. № 16). Знак почти тожествен с египетским иероглифом „ḥ“, изображающим согласно традициям самих египтян „свернутую веревку“. Из букв семитического алфавита знак очень напоминает один из вариантов буквы „цаде“ южносемитического шрифта (см. табл № 16, кол. III). Если можно понять „цаде“ в качестве сети для рыбака, то возможно, что синайский иероглиф переплетающейся веревки должен был символизировать такую сетку.

13) Знак „головы“ пестрил среди иероглифов Синая (табл. № 18). Некоторые его варианты близки египетскому иероглифу головы „тп“, а некоторые напоминают 20-ю букву финикийского алфавита „реш“, „головы“.

14) Раза 2 встречается иероглиф в виде волнистой линии (табл. № 19), весьма близкий египетскому иероглифу „горной страны". Он несколько напоминает 21-ю букву финикийского алфавита, носящую имя „Шин", „зуб". Сете полагает, что это имя было дано букве позже, а древнейшее имя ее сохранилось в ее греческом имени „Сигма". Сете сопоставляет это последнее с семитическим „шикм" — „плечо", „горный хребет". Если догадка Сете приемлема, то связь между синайским знаком, напоминающим египетский иероглиф „горной страны", и 21-й буквой финикийского алфавита весьма вероятна.

15) Оставшийся отожествить последний знак Синайского письма представляет лигатуру из „креста", то-есть „тав", и кружка (ср. табл. № 21). Такую же лигатуру, только с той разницей, что „крест" помещен в „кружке", представляет из себя „Тéт", 9-я буква финикийского алфавита, и поэтому можно будет согласиться с предположением Сете об отожествлении этого знака синайского письма с финикийским „Тет".

Закончив отожествление всех основных „иероглифов" Синайского шрифта с соответствующими буквами финикийского или южносемитического алфавита, мы получим для вновь открытых Синайских надписей алфавит из 21-й буквы. Конечно, пока нельзя полагаться на абсолютную правильность отожествления всех этих 21 букв. Весьма вероятно придется отказаться от многого того, что было высказано на предшествующих страницах. Это и неудивительно, ведь положение исследова-

теля, приступающего к дешифровке Синайских надписей, весьма тяжко. Материал очень скуден, и пока что имеется только одна двуязычная надпись „сфинкса“, ибо стела с египетскими иероглифами между „Синайскими“ знаками не является билингвой, как мы увидим ниже. Будем надеяться, что число памятников с надписями прасемитического алфавитного шрифта увеличится и что случай, сыгравший столь важную роль в науке, будет благожелателен и для исследователей истории семитического алфавита.

VII

ОПЫТ ПЕРЕВОДА НАДПИСЕЙ

Попытаемся прочитать с помощью установленного выше алфавита некоторые из наиболее удовлетворительно сохранившихся надписей „Синайского шрифта“. Транскрипцию семитических букв я буду давать латинкими. Начнем с надписи на сфинксе, единственной билингвы, которой мы располагаем. Легенда на правой стороне плинтуса пишется „M¦ h-bcl“. „M¦“ соответствует, как мы выше видели, имени царя, иероглифический эквивалент которого был вцарапан между лапами, „h“ является грамматическим членом, а „bcl“ — ваал, владыка — может быть эпитетом бога и царя. Поэтому эта легенда синайского шрифта „M¦ царь“ не что иное, как перевод царского имени, вырезанного египетскими иероглифами между лапами сфинкса. В таком случае, легенда на левой стороне плинтуса будет также лишь переводом иероглифической надписи на плече сфинкса „любимец Гатор, владычицы Малахита“. Транскрипция

легенды Синайского шрифта гласит „kwd l-Bclt“. „l“ перед „Ваалат“ „владычицей“, конечно, не что иное, как частица, выражающая отношение дательного падежа — „для владычицы“. „Kwd“, в таком случае, должно обозначать нечто вроде „любимца“ и, действительно, арабский язык знает глагол „kawdun“—„быть близким“, и всю надпись „kwd l-Bclt“ надо перевести: „близкий для владычицы“.

Надпись правой стороны мужской статуи гласит в транскрипции: „cl n'm rb Pbnn“, cl — для, „n'm“ — благо, rb — вельможа, Pbnn и. с., следовательно целую фразу можно было бы перевести „для блага вельможи Pbnn“. Надпись на фронтальной части сохранилась хуже. Здесь было посвящение богине. Надпись на груди бюста состоит только из 3 знаков „tnt“, которые Коулэ сопоставляет с именем известной богини Танит Пунических надписей.

Надпись тщательно написанной стелы, к сожалению, очень плохо сохранилась, и поэтому понять можно смысл только первых 2 строк. Транскрипция их дает следующие слова: „'n tzk ... r bn Pbnm ...“; „'n“ — личное местоимение 1-го лица ед. числа, „tzk“, вероятно, какой-то титул, „bn“ — сын, „Pbnm“—и. с., вероятно тожественное с „Pbnn“ надписи на статуе. Содержанием надписи служил, очевидно, рассказ, ведущийся от первого лица неким вельможей: „я, ..., сын Pbnm“ и т. д....

Надпись на стеле с изображением бога Птаха, кажется, довольно любопытна по своему содержанию „z tm b[cl] Mkn Pb.“ Внизу врезано еще несколько знаков, не относящихся, кажется, к этой надписи; „z“, вероятно,

указательное местоимение „это“; „tm“ „быть законченным“; „Mḳn“, наверное, страна Маган клинописных и египетских текстов, которая вероятно охватывала и Синайский полуостров; „Pb“, очевидно, был тот бог, которого эти семиты Синая отожествляли с египетским богом „Птах“. Это имя бога „Pb“, надо полагать, входило в качестве составной части в имя, встретившееся нам в предшествующих надписях: „Pbnn“ или „Pbnm“. В египетских текстах этот бог встречается под названием „Bb“. Очевидный смысл надписи таков: „Это закончено (для) владыки (страны) Маган бога Pb.“

Надпись стелы вертикальной строки египетских иероглифов, к сожалению, не поддается еще пониманию. Никакой связи между ней и египетским текстом не существует. Последняя Синайская надпись врезана на фрагменте стелы, изданном еще Вейллем (см. выше). Она любопытна именем богини, которой она была, очевидно, посвящена: „ktš h.Bclt“. „ktš“, очевидно, та богиня, которая встречается и в египетских текстах Нового царства и изображается стоящей на льве. Содержание маленькой надписи сводится к „ktš — владычица“.

Из этих опытов перевода Синайских надписей, я думаю, можно убедиться, что понимание их не столь безнадежно, и что упорная работа в этом направлении победит в конце концов все трудности. Во всяком случае возможность хоть некоторого понимания этих надписей доказывает, что вышеустановленный алфавит Синайского шрифта хоть в некоторых случаях правильно отожествлен с соответствующими буквами финикийского алфавита.

VIII

СИНАЙСКОЕ ПИСЬМО И ФИНИКИЙСКИЙ АЛФАВИТ

Можно смело теперь высказать положение о том, что „Синайский“ шрифт является, действительно, „отцом“ позднейшего семитического алфавита. Если же эти Синайские письмена в сильнейшей степени близки египетскому иероглифическому письму, в отдельных случаях Синайские „иероглифы“ даже тожественны с египетскими, то из этого следует, что и семитический алфавит восходит своими корнями к культуре Египта, а не к культуре Вавилонии, как недавно еще полагали многие исследователи. Априорное умозаключение о зависимости финикийского письма от египетского, построенное на исследовании отличительных признаков этого финикийского письма, нашло свое блестящее подтверждение во вновь привлеченном Синайском материале. Установив это фундаментальное положение о зависимости семитического алфавита от иероглифического письма, надо определить степень этой зависимости, определить то, что

было взято семитами у Египта, и то, что они сами создали. Исследуя этот вопрос, мы должны будем преклониться перед великой мощью творческой мысли западно-семитической расы, которая отнюдь не рабски переняла достижение чуждой ей культуры и механически потом приобщила своему духовному миру. Такому механическому восприятию чужой мысли здесь не было места. Западные семиты, познакомившись в определенное время (см. ниже) с великим открытием египетского народа, которое, как мы выше видели, было сделано не совсем сознательно, решили использовать его для своих нужд. Семиты поняли значение принципа алфавита, и это было важнейшим их достижением. Они поняли, что можно одними лишь алфавитными знаками запечатлеть все многообразие человеческой речи. Они сознательно отказались от громоздкого балласта многих сотен силлабических, полисиллабических, пиктографических и идеографических иероглифов. Они ограничили число знаков своего письма 21 знаком, которые служили графическими эквивалентами для 21 простого согласного звука. Создавая свое алфавитное письмо, семиты „Синая“ могли бы, конечно, перенять целиком иероглифический алфавит, но они этого не сделали, ибо, очевидно, установившееся фонетическое значение египетских букв не вполне удовлетворительно передавало семитическую речь. Семиты „Синая“ поэтому переняли из Египта лишь „идею алфавита“ и иероглифический облик своих „букв“. Принимая акрофонический принцип, с которым семиты также

познакомились в Египте, они выбирают из многих сотен египетских иероглифов 21 иероглиф, которые названиями изображенных ими предметов могли создать алфавит из 21 буквы. Новое фонетическое значение „алеф“, „бет“ и т. д. этого 21 иероглифа было взято, конечно, из сокровищницы семитической речи, и поэтому в каждом отдельном из этого 21 иероглифа Синайского письма осталось египетского один лишь образ его. Семиты, следовательно, переняли не само египетское письмо, а одни лишь принципы его — принцип алфавита, который по прекрасному выражению Шамполлиона, является душой египетского письма, принцип акрофоничности и принцип рисуночности знаков,—и создали на основании их в рудниках Синая новое письмо, которому и суждено было сыграть в истории человеческого письма наиважнейшую роль.

Эта мощная действенность Синайского письма заставляет нас с большой осторожностью подойти к важному вопросу о времени его возникновения.

IX

ВРЕМЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СИНАЙСКОГО ПИСЬМА

Дата возникновения надписей не может, к сожалению, на основании данных находки быть вполне точно определена. Дело в том, что 3 памятника круглой скульптуры с синайскими надписями были найдены в части храма Гатор, строившейся начиная с эпохи XII дин. (около 1850 г.) до XVIII дин. (около 1350 г.), и поэтому время почти в пять столетий стоит в распоряжении исследователей. Более определенный хронологический вывод мы получим из анализа стиля сфинкса. Он со своим скуластым лицом, грубо отделанными ушами, указывает на искусство, выросшее на почве реалистической традиции конца среднего царства. С данным вопросом о времени изображения Синайского письма весьма тесно связана проблема о более точном определении этнического облика авторов Синайского письма, и решение этой проблемы до известной степени предрешит и вопрос о дате в озникновения прасемитического алфавита.

Когда я ставлю вопрос об этническом облике составителей Синайского алфавита, то я, конечно, не сомневаюсь в том, что они были семиты. Связь Синайского алфавита с финикийским в достаточной степени доказала семитическое происхождение их составителей, однако возникает вопрос: какие это были семиты? Были ли это коренные обитатели Синайского полуострова, кочующие там бедуины, или же иное семитическое племя? Если бы авторами прасемитического алфавита были туземные бедуины, то решение хронологической проблемы несколько затруднилось бы, ибо бедуины сидели на Синае с древнейших времен до самого позднего периода и могли в течение всех этих веков найти когда либо досуг для создания алфавита. Перед нами были бы в таком случае на выбор все эпохи, вкладывающиеся в рамки египетской истории. Но подобное предположение о создании Синайского алфавита туземными бедуинами очень мало вероятно, чтобы не сказать более. Действительно, то, что мы знаем о культуре Синайских бедуинов на основании египетских памятников, не говорит за то, чтобы они были в состоянии сделать такое замечательное открытие, как алфавитный шрифт, да он им, пожалуй, и не требовался. Кроме того, „жалкие жители песков“, как их называли египтяне, не знали в такой степени иероглифическое письмо, как его, очевидно, нали создатели иероглифического алфавита. Такое знание можно было себе приобрести, конечно, только, побывав в Египте, в интимнейшем общении с египет-

скими писцами. Можно поэтому вполне уверенно высказать положение о том, что составители Синайского алфавита долгое время были в Египте и затем уже оттуда попали в каменоломни Уади-Магара. В какой же период египетской истории, начиная с 1850 г. по 1350 г. до Р. Х., семиты пребывали в долине Нила, знакомясь с его древней культурой? К этому вопросу надо присоединить еще следующий: когда же семиты имели возможность ставить свои вотивные дары в Египетском храме и своими надписями покрывать скалы рудников? Таковым периодом является только эпоха владычества Гиксосов (около 1750—1650 г. до Р. Х.). В эту эпоху Египет стал добычей нашествия семитического народа, вожди которого назывались египтянами Гиксосами, то-есть „правителями чужеземных стран". Этот семитический народ основательно познакомился с египетской культурой и освоился, судя по его надписям, с идеей иероглифического алфавита, передавая свои национальные имена не силлабическими знаками, а исключительно буквами алфавита. Вероятно, в Гиксосских канцеляриях под влиянием этого знакомства с египетским алфавитом и было создано то письмо, образцы которого сохранились на Синае. В самом Египте памятники Гиксосского владычества были преданы уничтожению, в глухих же ущельях Синая, занесенные гиксосскими воинами, которые несли здесь гарнизонную службу, они сохранились. В эпоху Гиксосского владычества, эти семитические воины могли беспрепятственно покрывать своими вновь открытыми

письменами скалы рудников и вотивные дары храма. За эту датировку Синайских надписей периодом Гиксосов говорит и стиль сфинкса, указывающий на эпоху, близкую концу среднего царства, и, наконец, иероглифическое имя царя между лапами сфинкса. Имя этого царя неизвестно, и лишь в темную эпоху между средним и новым царством мы можем поместить еще какого-нибудь неизвестного царя. Наша датировка поддерживается еще и собственным именем, вычитанным нами на памятниках (см. выше), — „Pbnn“, или „Pbnm“ (конечно, если мое чтение правильно). Оно, очевидно, стоит в связи с именем одного из Гиксосских царей „Bbnm“.

X

ДАЛЬНЕЙШИЕ СУДЬБЫ СИНАЙСКОГО ПИСЬМА

В виду всего вышесказанного я полагаю, что датировка возникновения Синайского письма периодом Гиксосским может считаться доказанной. Остается только предположительно наметить дальнейшие вехи Синайского письма. Семитическое алфавитное письмо после падения Гиксосского государства продолжало жить в Палестине, оттесняя все более и более клинопись. Одним из центров этого алфавитного письма являлся, очевидно, город „Дебир", называвшийся, согласно библии, до завоевания его Иудеями „город письма". Здесь в Палестине древние знаки Синайского алфавита, конечно, не сохранили свой первоначальный образ и с течением времени они выкристаллизовались в те формы, которые имеют буквы финикийских надписей I тысячелетия. В некоторых случаях южно-семитический алфавит, как мы выше видели, сохранил более древние формы. Это обстоятельство объясняется тем, что южно-семитический

шрифт отделился сравнительно рано от основного ствола прасемитического алфавита. Вероятно, около этого времени был перенят и греками у финикийцев их алфавит и этим, конечно объясняется то своеобразное явление, что греческие буквы, перенятые у финикийцев, на что определенно указывают их финикийские имена, несмотря на это в некоторых случаях напоминают южно-семитический алфавит. Очевидно, греческий и южно-семитический шрифты отделились от северного финикийского алфавита еще тогда, когда этот последний сохранял еще более древние формы, чем те, которые были созданы в первом тысячелетии.

Синайское письмо со своими разветвлениями финикийского, южно-семитического и греческого алфавитов сделалось родоначальником всех последующих разновидностей греческого письма. Перед алфавитным письмом, запечатлевающим несколькими десятками букв все многообразие человеческой речи, исчезли все иные разновидности фонетического письма. Долго отстаивало свое право на существование перед алфавитным письмом одно лишь идеографическое письмо дальнего Востока. В этом противопоставлении идеографического шрифта Китая и алфавитного письма Средиземноморского бассейна сказывается великий антитезис культур этих двух миров—аристократизм первой и демократизм второй. Идеографическое письмо обращается ко всем образованным кругам, независимо от их национальности, а алфавитное письмо обращается ко всем слоям нации, независимо от их обра-

зовательного ценза. И тот и другой принцип имеют свои достоинства, и a priori нельзя отдать первенство одному перед другим, но в потоке живого исторического процесса и в странах далекого Востока начинает побеждать демократический принцип средиземноморского алфавитного письма далекого Запада. Когда наступит, наконец, полная победа алфавитного письма над всеми графическими системами мира, пусть человечество помнит, что демократический принцип алфавита, осознанный семитическим гением, все же корнями своими восходит к культуре египетского народа, народа, создавшего первую социальную революцию и провозгласившего впервые великий принцип равенства всех членов одного народа.

ОГЛАВЛЕНИЕ